

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Владислав Морозов

**НАШИ ТАНКИ
ДОЙДУТ
ДО ЛА-МАНША!**

Ядерный блицкриг СССР

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М80

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *А. Руденко*

Морозов, Владислав Юрьевич.

М80 Наши танки дойдут до Ла-Манша! Ядерный блицкриг СССР / Владислав Морозов. — Москва : Яуза : Эксмо, 2016. — 384 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-91557-6

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлера «Атомные танкисты».

Самый достоверный и убедительный роман о ядерной войне СССР против НАТО.

Но это не набившая оскомину постапокалиптика о выживании после атомного армагеддона, а грандиозная батальная эпопея в духе прославленного советского фильма «Освобождение».

Впервые в российской литературе вы увидите боевые действия с применением тактического ядерного оружия глазами советских танкистов, летчиков, ракетчиков, десантников, морпехов, бойцов спецназа, которые громят НАТО, форсируют Ла-Манш, стоят насмерть на Кубе и наносят ответные ядерные удары по США!

Но можно ли выжить и победить в атомной войне? Можно, если это будет ядерный блицкриг!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Морозов В.Ю., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016
ISBN 978-5-699-91557-6

***Посвящается бойцам невидимого
фронта, павшим и живым, бывшим
и действующим.***

«Покуда тучи над землёй ещё теснятся,
для нас покоя нет, и нет пути назад...».

М. Матусовский.

В. Баснер. «Махнём не глядя»

Песня из кинофильма

«Щит и меч» 1968 г.

Пролог

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

Начало июня 1985 г.

СССР. Где-то на Южном Урале

— Что там видно, товарищ майор? — поинтересовался радист, выглядящий как подросток из фольксштурма, слишком юный и тощий для военнослужащего ефрейтор в армейской панаме и неумело ушитом великоватом армейском х/б без погон, носивший сильно подходящую к текущему моменту фамилию — Солдатов. Затаившись среди лопухов и прочего разнотравья на склоне неглубокого оврага, он хлебал воду из фляги, пока я осматривал окрестности в бинокль. Светило утреннее солнышко, и вокруг была почти идиллия. И пахло так, как обычно пахнет в июне — травой, листвой, свежей землёй. Стрекотали кузнечики, роилась в воздухе мошкара и прочие комары, похоже, природа даже и не заметила, что чего-то или кого-то в этом мире не хватает. Хотя кому мы, люди, теперь нужны? Очень скоро у планеты вполне могут появиться новые хозяева и цари природы..

— Да ни хрена не видно, всё то же самое, — ответил я и, опустив бинокль и развернув мятый кепарь от выгоревшей «мобуты» обратно, козырьком вперёд, назидательно добавил: — Пан ефрейтор, ты бы воду всё же поберёг. Ведь неизвестно, сколько нам ещё по этой пустыне болтаться, как говаривал во времена оны, в одном кино, товарищ Сухов, а нынче пить из любого ручья или лужи, знаешь ли, чревато....

Вот тут я ему чистую правду сказал, поскольку сейчас больше нет в природе толковых химиков и бактериологов с их лабораториями и прочих благовивых аристократов, вроде очистных сооружений с неперменным хлорированием воды. И поди узнай теперь, лежит во встреченном на твоём пути пруду, озере или реке просто что-нибудь некогда живое, но ныне сдохшее по неизвестной причине за одиннадцать месяцев Длинной Зимы или уже после неё, либо туда за эти годы надуло ветром и нахло дождём с небес чего-нибудь и вовсе фатально-радиоактивное, вызывающее фосфоресцирующий холерный понос и разложение внутренностей. Спросить-то теперь всё равно не у кого...

— Да ладно вам, товарищ майор, — отмахнулся радист, однако же пробку при этом завинтил.

Выжившая молодёжь сейчас мало чего боялась, полагая, что главный ужас был пережит три года назад. Я же здраво полагал, что самое веселье ещё впереди. Кобзда, она, как правило, подкрадывается незаметно...

— Людей не видно? — спросил ефрейтор, убирая флягу в сумку.

— Откуда тут люди? — ответил я вопросом на вопрос.

Действительно, а какого ответа про окружающий нас пейзаж он ожидал от меня услышать?

Что вообще может быть вокруг нас после всего, что произошло почти три года назад? Назвать-то это можно по-разному — пустыня, пустошь, погост, дикое поле, но смысл всё равно будет один, поскольку пейзаж вокруг тоже одинаковый. Обширные безлюдные пространства, быстро зарастающие чем попало и населённые разве что безнаказанно расплодившимся без всякой меры зверьём.

Собственно, наш маршрут мы изначально при-вязывали к единственному уцелевшему здесь остатку цивилизации — старой шоссейной дороге. Её я только что и рассматривал в бинокль. В очередной раз обозрел едва различимый на фоне земли, потре-скавшийся асфальт, через который местами проро-сли деревья, вроде побегов молодых берёзок и клё-нов, и трава, с редкими ржавыми остовами машин на обочинах и покривившимися телеграфными столбами с оборванными проводами чуть в стороне.

Здесь явно никто не ездил уже года два, а пеше-ходы сейчас по шоссейкам не ходят. В принципе, это ничем и никому не грозит, но после начавших-ся по окончании Длинной Зимы эпидемий в народе стали сильны разные психозы и суеверия — в мёр-твых машинах и руинах могут лежать человеческие останки, а от чего эти люди умерли, не знает ни-кто (аргументы типа того, что все эти люди скорее всего умерли ещё до Зимы, на нынешних пейза-нах не действовали), а значит, на дороги и в бывшие населённые пункты лучше не соваться. Отдельные, особо впечатлительные, господа-товарищи раска-зывали о том, что видели кое-где даже живых мер-твецов. Мы-то точно знали, что они скорее всего сталкивались с вполне обычными, но непоправимо пострадавшими от ожогов и лучевой болезни людь-ми (многие из которых ослепли в момент Главно-го Удара), но переубедить этих придурков было невозможно — облысевший и покрытый пятнами и шрамами от ожогов хомо сапиенс действительно сильно походит на живой труп, особенно издали или в вечерней полутьме. А уж если подобный, за-стрявший на полпути на тот свет тип в лохмотьях попытается что-нибудь говорить своим безгубым и беззубым ртом — с непривычки можно вообще на-

ложить в, и без того пропуканные насквозь штаны. Лично наблюдал.

Теперь большинство людей предпочитало прятаться друг от друга, но кое-какие следы пребывания живых здесь всё-таки можно было разглядеть — в перелесках по обеим сторонам дороги тянулись узкие тропки, по которым иногда, видимо, ходили по своим делам те, кого ещё недавно называли «человечеством», а теперь казённо именовали нашей военной братией «выжившее население».

Но, по моим прикидкам, вдоль дороги не менее недели никто не ходил — свежих следов не было. Может, ещё и оттого, что теперь многие предпочитают передвигаться ночами, из всё тех же соображений скрытности. Хотя кого сейчас можно реально опасаться, я лично не понимал. Ну да, в начале Длинной Зимы были в большом количестве и бандиты, и мародёры, и просто непонятно кто с оружием из числа разбежавшихся армейцев и милиции. Я в те времена был далеко и потому лично этих катаклизмов не наблюдал. Вот только бандит, хоть у нас, хоть в Европах, как правило, не способен организовать себе длительное и экономное существование — ему обычно нужно всё, сразу и за чужой счёт. Вот только за одиннадцать с лишним месяцев Длинной Зимы эти элементы по большей части перевелись (отдельные недобитки, конечно, попадались и сейчас, но их было крайне мало). В нескончаемых сумерках, когда неделями стоит сорокаградусный мороз, по лесу не очень-то побегаешь, а те, кто тогда собирались выжить всерьёз, скучковались большими группами вокруг уцелевших поселений и бункерных комплексов, контролируемых армейцами и прочими «конторами», нападать на которые было чревато.

Я бы тоже с большей охотой сидел сейчас в гарнизоне (нынче такие точки почему-то было принято именовать «Форпостами» или «Фортами», уж не знаю почему) и, к примеру, заниматься починкой какой-нибудь уцелевшей техники. Но у нас с этим ефрейтором-радиостом не было выбора, поскольку мы были на задании и наш путь лежал из точки А в точку Б, а автономность нашего перехода ограничивал носимый запас воды, продовольствия, боеприпасов и батарей для рации.

Нам следовало дойти до нужной точки, доложить результат, а затем, если чьи-то радужные предположения не подтвердятся, топать назад. Н-да, искать среди нынешнего погоста нечто, в надежде на то, что оно уцелело после атомного огня и зимней стужи и ещё может принести какую-нибудь пользу, — дело неблагодарное. Поскольку в деле разрушения и мы и наши супостаты-противники преуспели и весьма.

Помню, как вскоре после окончания Длинной Зимы, когда помаленьку стаяли её серые от пепла и сажи сугробы и по земле радостно текли ручьи ядерной весны, я, в числе других добровольцев, вызвался на разведку в сторону своего родного Краснобельска. Начальство тогда ещё питало очень глупые и более чем слабые надежды, что всё не так уж плохо и там могло сохраниться хоть что-нибудь из подземных складов Госрезерва, располагавшихся до начала войны в самом городе и его окрестностях, — всё-таки они те ещё фантазёры, эти наши начальники...

Уж чего там надеялся найти лично я — даже и не знаю. Статистика — вещь упрямая, и о возможном (довольно ничтожном) проценте выживших представление мы имели. Да, искать уцелевших родных

и близких было глупо — по городу тогда стукнули хорошо, как бы не чем-то термоядерным. И если кто успел эвакуироваться до того, то не факт, что он выжил во время почти одиннадцати месяцев Длинной Зимы. Конечно, какая-то сумасшедшая и совершенно нелогичная надежда у всех нас оставалась, но всё-таки, когда точно знаешь, что 75% населения планеты однозначно вымерло, оптимизм как-то улетучивается.

В общем, тогда я с самого начала не узнал знакомой с детства местности. Так выглядят замки в детской песочнице, если по ним хорошо пнуть ногой. Мы вышли на разведку вдоль автодороги или по ней, со стороны небольшого городка Бимска, который, как и более близкий к городу посёлок Трубослив, представляли из себя обширные пожарища, где давно не было никого живых. Вместо улиц были обгорелые стены без крыш и окон с залитыми весенней водой фундаментами, а вместо жителей — распавшиеся на части костяки в выцветшем тряпье, в изобилии валявшиеся в чёрной от золы грязи.

Встречные столбы и мачты ЛЭП или рухнули, или торчали, нагнувшись под углом к земле. Крупные нефтеперерабатывающие и химические заводы, некогда расположенные за городом, превратились в основательные груды невообразимо мятого горелого железа и бетонных обломков, образовавшие высоченный нерукотворный вал в том месте, где когда-то, видимо, остановилась-таки ударная волна. Вал был настолько высок, что оказался совершенно непреодолим для нашей БМП-1, а объехать его тоже оказалось нереально. С трудом поднявшись на вал, я тогда увидел в бинокль то, чего совсем не ожидал. На месте города было обширное (сейчас оно

зелёного цвета, заболочено и заросло ненормально огромными камышами с осокой и прочими болотными травами) озеро с чёрной водой, из которой там и сям торчали отдельные, особо прочные обломки некоторых, в основном кирпичных, зданий. Как можно предположить, дно этого озера устлано сплошным битым камнем и железом. Похоже, боеголовку положили прямо на город, причём взрыв был не воздушный, а наземный, и в итоге на месте обширной, скорее похожей на небольшой лунный кратер, воронки в междуречье рек Белой и Красненькой образовалось это чёртово озеро. Какие уж тут, блин, склады или живые люди? В общем, тогда мы вернулись ни с чем, тем более что наши индивидуальные счётчики Гейгера, по мере приближения к озеру, трещали всё более и более угрожающе. Вот при таких обстоятельствах люди обычно и осознают своё полное и окончательное сиротство....

— Пошли, Солдатов, — сказал я радисту и первым выбрался из оврага, взяв на изготовку мосинский карабин с оптикой от СВД.

— Только тихо и по возможности точно по моим следам, — добавил я и двинулся вдоль дороги через заросли. Ефрейтор, натянув на уши великоватую армейскую панаму и поправив на плече свой «АКМ», двинулся за мной. Он очень старался соответствовать статусу разведчика, но надо признать, что ходить по лесу сей «военнослужащий» не умел совершенно. Хотя что с него взять — напуганный городской ребёнок, которому в момент окончательной катастрофы не было и пятнадцати, офицерский сынок из заштатного гарнизона, на который, на его счастье, не успели уронить какой-нибудь «Першинг», «Минитмен» или МХ. Как оказалось, даже ядерные арсеналы — тоже вещь не безграничная.

Ну а уж потом, когда Длинная Зима кончилась и наша жалкая жизнь начала входить в некую, относительно рутинную колею, получилось, как водится — поскольку народу вообще уцелело мало, всех молодых (от семнадцати лет в обязательном порядке, а если желаешь добровольно — можно и с пятнадцати) обязали служить (правда, всё-таки непонятно — кому?) на военной или охранной стезе. А тех, кто постарше, болен или покалечен, — работать в «народном хозяйстве».

Хотя всерьёз называть наше полудохлое натуральное земледелие последних двух лет подобным словом язык не поворачивался, даже несмотря на то, что оно очень многим не дало сдохнуть от голода. В первый год сеять было вообще почти нечего, это только сейчас положение начало как-то выправляться.

Собственно говоря, а что такое теперь называется термином «советская власть»? Почти как в бородастом анекдоте — та самая тьма, которая получится, если от коммунизма отнять электрификацию. Мы, конечно, по-прежнему считаем, что живём в СССР и называем себя «Советская Армия» (а если точнее — старательно убеждаем себя и выживших окружающих в этом), но реально все мы — мелкие осколки разбитого вдребезги и не более того. Тем более что за зиму уцелевший народ кое-где оскотинился вплоть до людоедства, а управлять тем, что всё-таки уцелело, без нормальной связи и транспорта оказалось нереально. Да, кое-какая, если так можно выразиться, армия у нас по-прежнему была. Основу её, как это ни странно, составляли части ОКСВ из Афганистана. Афган по какой-то, по сей день не понятной никому причине, не попал под раздачу. Его обошли стороной при атомной дол-

бёжке, возможно банально, не хватило боеголовок и носителей. Именно поэтому ещё в начале Длинной Зимы без малого стотысячная наша группировка более-менее организованно вышла оттуда, умудрившись сохранить даже кое-какую авиацию и тяжёлое вооружение и, собирая по пути следования уцелевших и, соответственно, теряя дезертировавших по дороге местных уроженцев, за два с лишним месяца добралась через Среднюю Азию сюда, на Урал и в Сибирь, где уцелело хоть что-то. Называется — переехали из одной жопы мира в другую. Могли бы, кстати, и дальше в тех горах сидеть, поскольку там теперь точно меньше загажено всякой радиоактивной дрянью, но, однако же, не стали.

Именно благодаря этим армейским частям централизованная власть кое-как удержалась, поскольку военная инфраструктура на территории СССР была разрушена, во многом непоправимо. Да и из представителей этой самой «советской власти», как оказалось, уцелели совсем не те, кого следовало бы вообще беречь. По избежавшим уничтожения правительственным бункерам и убежищам ГО отсиделась в основном обкомовская и райкомовская шушера второго и третьего сорта, с многочисленными чадами-домочадцами и охраной. Квалифицированной obsługi для обслуживания тех же бункеров они, как правило, прихватить не успели или не догадались (зачем в такое время лишние едоки?), но сами при этом не умели делать руками почти ничего, да и ограничивать себя по части потребления давно разучились. Итог в большинстве случаев был печален, в не контролировавшихся военными или бывшими КГБ с МВД убежищах запасы продовольствия, медикаментов и топлива закончились задолго до наступления весны, и их обита-